

Т. А. КОСМЕДА

**КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ Л. В. ЩЕРБЫ:
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ (на материале воспоминаний об учёном)**

В прагматически ориентированной лингвистике большое внимание уделяется изучению коммуникативной компетенции языковой личности. Прежде всего интерес вызывают личности элитарные, к которым и принадлежит Л. В. Щерба, изучение языковой личности которого осуществляется ретроспективно.

Ключевые слова: прагматически ориентированная лингвистика, коммуникативная компетенция, ретроспекция, элитарная языковая личность.

«Язык есть кусочек жизни людей...»

Л. В. Щерба [14: 7]

Современная прагматически ориентированная лингвистика выдвигает проблему описания языковой личности, представление её типов с учётом различных параметров. На сегодня частично разработан вопрос о выделении признаков «сильной языковой личности», языковой личности писателей [см. об этом: 7], языковой личности педагога, учёного и под. [напр.: 6; 8], элитарной языковой личности. Согласимся с мнением А. В. Фёдорова о том, что «*об индивидуальном стиле учёных пишут редко и мало: встречаются в отдельных случаях лишь беглые замечания на эту тему, что не вовсе случайно: ведь в стиле любых научных сочинений проявление индивидуального начала постоянно заслоняется, а то и подавляется функционально-речевым, и трудности для анализа — немалые*» [12: 272]. Важно учитывать особенности собственно «живой» повседневной речи языковых личностей, в том числе и тех, чью речь непосредственно сегодня мы уже воспринимать не имеем возможности. При этом используется методика ретроспективного анализа [9].

Термин «языковая личность», как известно, принадлежит В. В. Виноградову, а в современной лингвистике это понятие активно разрабатывается прежде всего Ю. Н. Карауловым [5].

Цель настоящей статьи — на основании ретроспективного анализа с учётом воспоминаний об учёном его современников, его собственных высказываний очертить основные признаки Л. В. Щербы как языковой личности, прежде всего, в проекции на его «живую» речь.

Материалом ретроспективного изучения Л. В. Щербы как языковой личности служат статьи учеников, соратников и родственников учёного, в которых характеризуется его речевое поведение, прежде всего научный и педагогический дискурс, в частности Д. Л. Щербы, В. В. Виноградова, Р. И. Аванесова, М. И. Матусевич, Л. И. Жиркова, Ф. П. Филина.

Следует подчеркнуть, что, по свидетельству родственников Л. В. Щербы, большое влияние на формирование его коммуникативной компетенции оказала мать учёного — Екатерина Валериановна. Как отмечено в воспоминаниях, *«умная женщина, с волей, восприимчивая и отзывчивая, обладающая к тому же литературными способностями и хорошим литературным стилем, она оказала известное влияние на своего единственного сына»* [13: 7]. Позднее как мировоззрение, так и коммуникативная компетенция Л. В. Щербы были подвергнуты влиянию видных учёных-лингвистов, его учителей, прежде всего А. А. Шахматова, А. И. Соболевского, И. А. Бодуэна де Куртенэ. Кроме этого, Лев Владимирович длительное время занимался психологией, теоретически изучив сложный процесс порождения речи. По твёрдому убеждению учёного, изучать языки необходимо на основе живой речи. Именно так он изучал лужицкий язык, ср.: *«Он учит язык на месте, живя одной жизнью с семьёй, принявшей его, участвуя с нею в полевых работах, разделяя воскресные развлечения и, приобретая таким образом друзей, легко расширяет поле своих наблюдений»* [13: 8].

В 20-е годы XX в. Лев Владимирович состоял учёным секретарём Института живого слова, который приобрёл всемирную славу. Здесь учёный читал такие курсы, как «Фонетические методы», «Сравнительный очерк произношений», «Общее введение в теорию живого слова», «Научный синтаксис русского языка» [13: 13]. Самым существенным и характерным для языка как средства общения, по его мнению, является, безусловно, его устная форма, т. е. как теоретик языкознания Л. В. Щерба считал живую, устную речь наиболее значимым объектом для науки, важным признаком характеристики личности каждого отдельного человека. Для Л. В. Щербы *«исследование всякой языковой структуры было связано с погружением личного сознания в духовный мир носителей языковой системы»* [2: 31], который проявлялся в речи. В докладе «Новейшие течения в методике преподавания родного языка» Л. В. Щерба говорил об этом же.

«В каждом языке мир представлен по-разному, понимается по-разному. Мы смешиваем вещи и слова — вещи воспринимаем так, как они даны в словах, и величайший акт культурного развития состоит в освобождении мысли от плена слова... Язык наш благодетель, но он и наш враг потому, что он нас ведёт к неправильным понятиям» [Цит. по: 2: 37]. Именно на это обратил особое внимание и В. В. Виноградов, характеризуя лингвистическую концепцию Л. В. Щербы: по мнению академика Щербы, лингвисту необходима «многолетняя специальная тренировка» своего языкового сознания — главного и вместе с тем труднейшего и тончайшего инструмента языковедческого исследования. «Но понятно, это языковое сознание имеет свои исторические границы. Острее и непосредственнее всего оно может проявить себя при погружении в живую устную речь. Примат живой устной речи перед текстами, перед мёртвым языком — вот лингвистический лозунг, вытекающий из этого метода» [2: 32].

Одну из первых попыток анализа речи Л. В. Щербы предпринял А. В. Фёдоров, исследуя письменный научный стиль языка произведений учёного [12]. Если обобщить наблюдения А. В. Фёдорова над индивидуальным стилем речи Л. В. Щербы, то можно выделить 10 таких характерных черт:

1. Разговорное или устно-разговорное начало неотделимо у исследователя от научных соображений, определений, оценок, оговорок, т. е. от самого содержания высказываний, оно составляет с ним органическое единство.

2. Устно-разговорное начало ярче всего выступает в статьях и публичных выступлениях по методике преподавания и по вопросам грамматики.

3. Манера изложения, с одной стороны, проста, но с другой, — вполне представляет сложность авторской мысли.

4. Форма изложения сочетается с вопросно-ответным построением речи.

5. Выступления начинаются без всяких вступительных условностей в разговорном ключе.

6. Ярко выражается тонкая «игра стилями».

7. Естественность речи — результат своеобразного соотношения терминологической лексики с лексикой общепотребительной или разговорной, с отдельными идиоматически окрашенными оборотами, с синтаксическими построениями, присущими устной речи. Нигде нет перегрузки терминами, специальной лексикой. При возможности выбора между коротким разговорным словом либо нейтральным словосочетанием, выражающим то же понятие, отдаётся предпочтение первому. Фамильярно-разговорное сочетание или явно разговорное слово могут служить и средством ярко выраженной оценки.

8. Ключевые слова дискурса часто повторяются, являясь своего рода опорными и связующими моментами в ходе изложения мысли.

9. Частое употребление формы 2-го л. мн. числа не только в докладах, но и в статьях. Эту форму обращения можно считать маркером доверительного общения со слушателем (читателем); существенной является и роль местоимения «я» и его форм. Это не просто проявление личного начала (и уж, конечно, не эгоцентризма), а прежде всего выражение высокой ответственности, которую автор берёт на себя, излагая свои взгляды, и одновременно средство отграничить их от чужих; стремясь во всём быть точным, учёный не только скрупулёзно ссылается и на литературу вопроса, и на устные источники информации, но и оговаривает (всегда от первого лица) те случаи, когда он не мог своевременно воспользоваться той или иной книгой либо статьёй, а также совершенно откровенно делится своими сомнениями или неуверенностью в чём-либо.

10. Языковые средства, применяемые учёным, всегда закономерно обусловлены ситуацией высказывания.

Однако наиболее яркие воспоминания о коммуникативном поведении Л. В. Щербы, на мой взгляд, оставил Р. И. Аванесов, в частности чрезвычайно ценным для описания Л. В. Щербы как языковой личности является свидетельство Р. И. Аванесова о том, что академик Щерба «больше любил говорить, чем писать, писал туго, а говорил легко, интересно, тут же на ходу, на глазах собеседников, приходя к выводам, кажется, неожиданным и для него самого, высказывая иногда парадоксальные, но всегда интересные мысли...» (разрядка моя. — Т. К.) [1: 5]. Об этом же пишет и Д. Л. Щерба: «...он писал медленно, с исключительной тщательностью отделявая свои работы. Зато он щедро сеял свои мысли в разных других формах общения и оставил после себя много учеников и последователей» (разрядка моя. — Т. К.) [13: 21]. Лев Владимирович и сам рассказывает, как много усилий он уделяет выступлениям, беседам на научные темы, особенно в последние годы жизни, ср.: «... я очень устаю последнее время, всё куда-то хожу и что-то говорю или пишу. Всё как-то складывается, что отказаться невозможно: то диспут, то мой доклад, то выступление по чужому докладу и т. п.» [10: 18].

Во время выступлений учёный любил импровизировать, его манеру выступлений современники называют «афористической», «с интересными мыслями, отступлениями, неожиданными паузами и раздумьями, полемикой с самим собой...» [1: 6]. На то, что Л. В. Щерба любил импровизацию, указывает и его ученик Л. И. Жирков. Так, Л. И. Жирков утверждает, что его

любимый учитель практиковал также и «импровизацию беседы с экзаменуемым», поэтому «процесс экзамена и для него оставался интересным» [4: 91]. Л. И. Жирков утверждает, что самым ярким моментом его воспоминаний об отношениях со Львом Владимировичем является экзамен...» [4: 89].

В общении с коллегами Л. В. Щерба старался всегда, невзирая на расхождения во мнениях, категорически не отстаивать свою точку зрения, а найти общие положения, для него важно было прежде всего понять причину расхождений во мнениях, понять своих оппонентов, что является, как известно, наиболее важной чертой коммуникации, настроенной на положительный эффект, коммуникации толерантной, которая не приемлет всякого рода конфликты. Такие свои качества профессор Щерба демонстрировал на учёных заседаниях, конференциях, встречах.

Как утверждают современники учёного, в процессе общения он умел создавать благоприятную атмосферу, в частности именно такую атмосферу ощущали присутствующие на заседаниях Лингвистического общества Петербургского университета, которое возглавлял Л. В. Щерба. Как вспоминает Д. Л. Щерба, «непринуждённая атмосфера свободного и широкого обмена мыслями, царившая в обществе, привлекает разных лингвистов» [13: 13].

Однако всё-таки Льва Владимировича считают неутомимым спорщиком. Он принадлежал к людям, которые постоянно сомневаются в своих высказываниях, никогда и ничего не утверждают безапелляционно и при необходимости могут изменить своё мнение. Таковыми, как правило, являются талантливые педагоги. В собеседнике, как уже отмечалось, академика Щербу чаще «притягивало не то, в чём они сходились с ним, а то, в чём расходились» [1: 5]. Доклады Л. В. Щербы всегда собирали большую аудиторию, и Лев Владимирович провоцировал активное их обсуждение. Р. И. Аванесов называет его «неутомимым спорщиком», подчёркивая, что часто он «спорил и сам с собой в присутствии собеседника, выдвигая и тут же разбирая разные возможные точки зрения, вводя его в свою творческую лабораторию, в диалектику своей мысли. Во многом — даже высказанном им самим — он сомневался, и это было подлинным двигателем его мысли» (разрядка моя. — Т. К.) [1: 5]. Во время споров Лев Владимирович любил шутить, легко иронизировать, особенно над единомышленниками: они часто «пикитировались» с Д. Н. Ушаковым: «Щерба называл произношение Ушакова провинциальным за «тряпки», «немьки», «боус», «видют», «любют». Дмитрий Николаевич не оставался в долгу, так как произношение Щербы оставляло желать лучшего» [1: 5]. Как подчёркивает Р. И. Аванесов, Щерба не только любил, но и «умел шутить, ему был свойствен тонкий юмор, нередко он высказывался парадоксами» [1: 6]. В качестве примера Рубен Иванович вспоминает такой диалог: «Я не люблю читать книги, — сказал Л. В. — «Почему?» — «Потому что, если читаешь бездарную книгу, она быстро наскучивает и бросаешь её. А если читаешь талантливую книгу, она возбуждает твои собственные мысли и... тоже бросаешь её» [1: 6].

В своих воспоминаниях Р. И. Аванесов обращает внимание на некоторые характерные черты манеры повседневного общения Льва Владимировича с разными собеседниками, ср.: «Л. В. Щерба был маститый учёный, а в моих глазах ещё и старик (мне не было 30, а ему — немногим за 50!). Но со всеми он говорил на равных, будь то академик или студент: с уважением, вниманием, доброжелательностью, без «очков» догматизма, глубоко ему чуждого» (разрядка моя. — Т. К.) [1: 4]. Об этом же пишет и Ф. П. Филин, ср.: «... он никогда не навязывал своих мнений собеседникам, включая и студентов, только что переступивших порог высшего учебного заведения» [11: 20]. На стремление разговаривать с читателем «на равных» как на отличительную черту стиля Л. В. Щербы указывает и А. В. Фёдоров.

Есть воспоминания о главных коммуникативных качествах академика Щербы, проявляющихся в его педагогической коммуникации. «Читая лекции или разговаривая, он побуждал думать, стремился высекать искры самостоятельного лингвистического мышления у слушателя...» [11: 21]. Д. Л. Щерба также подчёркивает, что «даже лекции его носили своеобразную форму размышлений вслух. Он вообще никогда не принимал ничего готового. Решая какую-нибудь проблему, он её всю продумывал заново, делая её своей. Со щепетильной добро-совестностью, ища решения, Л. В. не смущался тем, что оно приходило иногда не сразу, иногда через годы [13: 21]. На это же обращает внимание и А. В. Фёдоров: «Лектор же он был виртуозно опытный, и манера «думать вслух» сама была глубоко продуманной, в ней имелся свой расчёт и своя система; были у неё свои признаки: доверительность тона, постоянная обращённость к конкретной аудитории, широкое использование общеупотребительной и разговорной лексики, открытое проявление личного начала» [12: 272].

Как подчёркивает Л. И. Жирков, Л. В. Щерба «любил преподавать, любил воздействовать на мысль своих учеников, будить её, расширять её кругозор, углублять её содержание» [4: 88]. Он отмечает, что беседы с Л. В. Щербой имели характер рекомендационный, ибо учитель не навязывал своим ученикам какие бы то ни было мысли, но поддерживал их инициативу, стимулировал поисковый характер работы, хотя и в мягкой, ненавязчивой форме требовал то,

что, по его мнению, было обязательным, но при этом давал возможность делать собственный выбор. Его коммуникативная компетенция не включала *речевой жанр запрещения*, скорее — он не возражал против иного выбора. *«Из указания Л. В. я вывел, — пишет Л. И. Жирков, — что ученикам надо давать сначала книги, излагающие вопрос просто, хотя и на уровне современного развития науки. Л. В. научил меня, что в педагогике, даже в педагогике университетской, в полной мере действует принцип: клин надо забивать тонким концом. Многие профессора грешат против этого принципа, называя ученикам сразу целую коллекцию книг, написанных лингвистами разных школ и направлений; в результате ученик приходит на экзамен с кашей в голове, неспособным к самостоятельному мышлению...»* [4: 90].

Лев Владимирович вместе со своей супругой Татьяной Генриховной был радушным хозяином, любил гостей и умел их принимать [см. об этом: 1: 4]. В неформальном общении, в общении со знакомыми, друзьями Лев Владимирович умел всегда найти нужные слова, особенно в сложных ситуациях, когда человека нужно было поддержать. Д. Л. Щерба акцентирует внимание на том, что *«как человек, Лев Владимирович отличался исключительной внимательностью к людям, добродушием и простотой обращения, и эти качества неизменно привлекали к нему всех, кому приходилось с ним общаться»* [13: 21]. А Рубен Иванович вспоминает, что во время его болезни академик Щерба находил такие слова, которые *«излучали столько доброты, душевности, сочувствия, житейской мудрости, что... лечили... больше, чем врачи»* [1: 7]. О высоком уровне коммуникативной компетенции Льва Владимировича, в частности блестящее владение им такими важными для коммуникатора речевыми жанрами, как *сочувствие и утешение*, свидетельствует письмо, которое приводит в своей статье Рубен Иванович, рассуждая о речевом поведении учёного, проявившееся во время тяжёлой болезни Аванесова и написанное ему в больницу.

Ф. П. Филин любимым речевым жанром академика Щербы считает *совет*, отмечая: *«А сколько Л. В. Щерба помимо своих публикаций давал советов окружающим его лицам, всей нашей науке о языке? Он имел не только большой талант. Он был щедрым, любил и мог дарить свои идеи»* [11: 27].

Об «общении в письмах», однако уже в последние годы жизни академика Щербы (с 27 января 1942 г. по 14 декабря 1944 г.) рассказывает и М. И. Матусевич, подчёркивая, что в этих письмах речь идёт не только о проблемах науки, о методических воззрениях учёного. Эти письма содержат сведения о его жизни, семье, планах переезда в Москву и о самом этом событии [см.: 10].

Для многих талантливых учёных и педагогов характерным речевым действием является выражение *сомнения*, о чём уже в этой статье упоминалось, однако свидетельством сказанного является и указание на любимые слова, фразы, выражения Льва Владимировича, который часто повторял: *«А, может быть, это и вовсе не так, ведь могут быть и совсем другие решения»*. И это была не рисовка, а самая суть подхода к делу» (разрядка моя. — Т. К.) [11: 21]. Как утверждает Ф. П. Филин, у Л. В. Щербы было любимое дискурсивное выражение, указывающее на его стремление всё подвергать сомнению, — *«типичное щербовское — может быть, это и не так, подумайте над этим сами»* (разрядка моя. — Т. К.) [11: 27]. Д. Л. Щерба называет иную любимую фразу академика: *«Со щепетильной добросовестностью, ища решения, Л. В. не смущался тем, что оно приходило иногда не сразу, иногда через годы. «Это ещё надо подумать», — говорил он и успокаивался только тогда, когда вскрывал «настоящее положение вещей» — как любил говорить». Мысль его при этом всегда шла по главным линиям, оставляя в стороне всё второстепенное, и потому была особо интересной и плодотворной»* (разрядка моя. — Т. К.) [13: 21]. Размышляя о языковой личности Льва Владимировича, В. В. Виноградов также считает, что *«больше всего поражает... как бы намеренное подчёркивание сомнительности, гадательности...»* [2: 35].

Умел Лев Владимирович и сердиться, проявлять твёрдость, требовать доказательств (ср.: *«Всё его творчество было размышлением. Он терпеть не мог шаблона, слепого подражания авторитетам. Он был предельно скромн, мягок и ненавязчив в обращении. Однако, когда было нужно, проявлялась и твёрдость»* [11: 21]), он указывал на недопустимость голословности, считал необходимым всегда для доказательства чего-либо оперировать фактами: *«Оригинальные научные обобщения и тонкие наблюдения над фактами он излагал в простой форме, делал их доступными для широких кругов, занимаясь практическими вопросами»* [13: 21].

Р. И. Аванесов обращает наше внимание также на очень ценное качество языковой личности как таковой, присущее Л. В. Щербе, — умение слушать, ср.: *«На моём жизненном пути я встречался с многими выдающимися учёными и среди них с несколькими крупными личностями. Но Л. В. Щерба по широте своих общественных интересов, по своему общественному темпераменту, по исключительной принципиальности и одновременно терпеливому умению слушать своих научных «противников» и вникать*

в их построения, по постоянной неудовлетворённости достигнутым и склонности к новым поискам, по смелости, с которой он мог отказаться от ранее высказанных им утверждений, если он находил более верные решения, по своему личному обаянию и благородству, по своей житейской и человеческой мудрости он был неповторим и единственен. В каком-то смысле, как личность, на него походил другой обаятельный русский человек — Д. Н. Ушаков» (разрядка моя. — Т. К.) [1: 3].

Таким образом, перед нами гармоничная и сильная языковая личность учёного и педагога, обладающая не только умением говорить, при этом говорить убедительно, доказательно и, в то же время, ненавязчиво, небезапелляционно, ярко, живо, красиво, образно, но и умением слушать; языковая личность, обладающая умением стратегически и тактически правильно реализовывать коммуникативные задачи, поведение, строить речевые жанры (наиболее часто реализуемые среди них — совет, рекомендация, пожелание, сочувствие, сомнение); языковая личность, умеющая не только слушать, но и понимать. Лев Владимирович был мастером коммуникации во всех ситуациях общения: будь то его научная или педагогическая деятельность, общение с друзьями, коллегами, знакомыми, учениками и под. Ему как сильной и элитарной языковой личности свойственно умение импровизировать, а также редкое качество обладания юмором и на уровне его порождения, и на уровне его понимания и восприятия.

В Украине сегодня появляются научные исследования по педагогике, в которых актуализирована проблема повышения уровня коммуникативной способности преподавателей, педагогов, их коммуникативной, риторической компетенции, в том числе и владение педагогическими коммуникативными жанрами, стратегиями и тактиками. Согласимся с Н. Б. Голуб, что «дальнейшего исследования требуют вопросы изучения особенностей речи носителей элитарного типа украинской речевой культуры...» [3: 29]. Описание типичных и нетипичных коммуникативных стратегий и тактик — это ещё одно белое пятно современной гуманитарной науки.

1. Аванесов Р. И. О встречах с Львом Владимировичем Щербой / Р. И. Аванесов // Теория языка, методы его исследования и преподавания: К 100-летию со дня рождения Льва Владимировича Щербы. — Л.: Наука, 1981. — С. 3—14.

2. Виноградов В. В. Общелингвистические и грамматические взгляды акад. Л. В. Щербы / В. В. Виноградов // Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944): Сборник статей. — Л.: Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1951. — С. 31—62.

3. Голуб Н. Б. Теоретико-методичні засади навчання риторики у вищих педагогічних навчальних закладах: автореф. дис. ... д. пед. наук.: 13.00.02 / Національний пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова / Н. Б. Голуб. — К., 2009. — 48 с.

4. Жирков Л. И. Л. В. Щерба как организатор / Л. И. Жирков // Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944): Сборник статей. — Л.: Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1951. — С. 88—92.

5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / [Отв. ред. Д. Н. Шмелёв]. — М.: Наука, 1987. — 264 с.

6. Космеда Т. А. Дискурсивні слова як центр комунікативної стратегії вченого і педагога у проєкції на мовну особистість А. П. Загнітка / Т. А. Космеда // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць / Донецький нац. ун-т; наук. ред. А. П. Загнітко. — Донецьк: ДонНУ, 2010. — Вип. 20: На честь 55-річчя проф. А. П. Загнітка. — С. 205—210.

7. Космеда Т. Комунікативна компетенція Івана Франка: міжкультурні, інтерперсональні, риторичні виміри / Т. А. Космеда. — Львів: ПАІС, 2006. — 328 с.

8. Космеда Т. А. Мовна спроможність, комунікативна компетенція, мовна особистість як проблемні питання сучасного українського мовознавства / Т. А. Космеда // Лінгвістична палітра: зб. наук. праць з актуальних проблем лінгвістики / За заг. ред. проф. Л. А. Лисиченко. — Харків, 2009. — С. 129—140.

9. Космеда Т. А. Ретроспекція як методологічна основа дослідження «живого» мовлення Івана Франка // Мовознавство. — № 6. — 2008. — С. 28—33.

10. Матусевич М. И. Последние годы жизни Льва Владимировича Щербы (1880—1944) / М. И. Матусевич // Теория языка, методы его исследования и преподавания: К 100-летию со дня рождения Льва Владимировича Щербы. — Л.: Наука, 1981. — С. 14—20.

11. Филин Ф. П. Из воспоминаний о Льве Владимировиче Щербе / Ф. П. Филин // Теория языка, методы его исследования и преподавания: К 100-летию со дня рождения Льва Владимировича Щербы. — Л.: Наука, 1981. — С. 20—28.

12. Фёдоров А. В. Индивидуальный стиль речи учёного (из наблюдений над языком трудов Л. В. Щербы) / А. В. Фёдоров // Теория языка, методы его исследования и преподавания: К 100-летию со дня рождения Льва Владимировича Щербы. — Л.: Наука, 1981. — С. 272—277.

13. Щерба Л. Л. Лев Владимирович Щерба (1880—1944) / Д. Л. Щерба // Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944): Сборник статей. — Л.: Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1951. — С. 7—22.

14. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Русская речь: Сб. изд. Отд. словесности искусств; Государственный институт истории искусств. — Л.: Academia, 1928. — С. 5—27.

T. A. Kosmeda

SHCHERBA'S COMMUNICATIVE COMPETENCE: TRAITS OF THE PERSONALITY (on the material of memoirs about the scholar)

Pragmatically oriented linguistics aims at studying a language personality's communicative competence. First of all, the elite attracts attention, among them is L. V. Shcherba, whose language personality is analyzed retrospectively.

Key words: pragmatically oriented linguistics, communicative competence, retrospection, elite language personality.

Т. А. Космеда

КОМУНІКАТИВНА КОМПЕТЕНЦІЯ Л. В. ЩЕРБИ: ШТРИХИ ДО ПОРТРЕТУ
(на матеріалі спогадів про вченого)

У прагматично орієнтованій лінгвістиці велику увагу приділяють вивченню комунікативної компетенції мовної особистості. Передусім інтерес викликають особистості елітарні, до яких належить і Л. В. Щерба, вивчення мовної особистості якого здійснюється ретроспективно.

Ключові слова: прагматично орієнтована лінгвістика, комунікативна компетенція, ретроспекція, елітарна мовна особистість.

УДК 81-13'1:161.114'12: 17.023.31:009"19"

Е. П. МАТУЗКОВА

АКТУАЛІЗАЦІЯ ПОНЯТТЯ «ІДЕНТИЧНІСТЬ»
В СОЦІОГУМАНІТАРНОМУ ЗНАННІ ХХ ВЕКА

В статті описується історико-понятійна проблематика ідентичності та актуалізація поняття «ідентичність» в соціогуманітарних науках другої половини ХХ століття. Розглядаються фундаментальні теорії та підходи до вивчення ідентичності, серед яких провідними є психоаналітичний та соціологічний.

Ключевые слова: ідентичність, соціогуманітарні науки, психоаналітичний підхід, соціологічний підхід.

В ХХІ столітті в лінгвістиці спостерігається небувалий ріст досліджень, присвячених проблематиці ідентичності особистості та колективу. Вивчаються етнічна, національна, культурна, релігійна, віртуальна, особиста, соціальна, колективна, вікова та інші інші прояви ідентичності. Однак проблематика ця займала значуще місце в працях багатьох психологів, соціологів та філософів ще в початку ХХ ст. Створення ідентичності як наукового поняття спочатку і внаслідок, протягом більшої частини ХХ ст., шло в трьох напрямках: філософському, психоаналітичному та соціологічному.

Виникнення самої теорії ідентичності в першій половині ХХ століття пов'язано з еволюцією та переглядом таких традиційних понять філософії, логіки, психології та соціології як «самість», «самоопределення», «самосвідомість», «Я», «особистість», «тождество» та «розличия», в якій чи іншій мірі пов'язаних з поняттям «ідентичність». Завдяки цьому окреслюються та формуються два провідних підходи до вивчення ідентичності: психоаналітичний, заснований на теорії психоаналізу (З. Фрейд, Е. Фромм), та соціологічний, заснований на прагматичній теорії особистості У. Джеймса, концепції дзеркальної особистості Ч. Кулі та теорії соціальної взаємодії Дж. Міда.

В 60–70-х роках минулого століття проблема ідентичності «виходить за межі психологічного контексту» [3, 148] і швидко стає «центральним поняттям більшості культур — орієнтованих дискурсів» [1, с. 400]. Спостерігається взаємопроникнення філософського, соціологічного та психологічного вживань «ідентичності». Поняття ідентичності не тільки доповнює, уточнює, але й все частіше замінює традиційні поняття «Я», «особистості», «образ Я», «Я — концепції» тощо. Це час характеризується як широким використанням самого терміна «ідентичність», так і поступовим введенням його в міждисциплінарний науковий обіг.

Усе це відбувається завдяки численним дослідженням, в яких ідентичність трактується в залежності від наукових положень окремих учених, спеціальних дисциплін, теорій, концепцій та підходів до вивчення цього багатовимірного та складного феномена. Багатоманитність та різноманітність таких трактувань ставить перед будь-яким дослідником ідентичності завдання описання, систематизації та упорядкування наукових праць по проблематиці ідентичності та їх фундаментальних положень з тим, щоб прослідкувати особливості актуалізації поняття «ідентичність» в соціогуманітарному знанні 60–70-х років ХХ ст. Тому звернення в межах даної статті до вищезгаданої тематики представляється нам обґрунтованим та актуальним.

Ітак, широке розповсюдження самого терміна «ідентичність» в цей період пов'язано переважно з іменем американського психоаналітика Е. Еріксона (E. Erikson). В праці «Ідентичність: юність та криза» (*Identity, Youth and Crisis, 1969*) вчений визначає ідентичність